

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ

Редакция: РЕВЕЛЬ, Вышгородскій бульварь
(Toompea pulestee), № 17-A, кв. 14.
Контора: Ратушная площадь (Sung turg), 17.
Редакторъ принимаетъ съ 1½ до 2½ час.
Контора открыта съ 9 до 4 часовъ

Цѣна отдѣльнаго номера 5 марокъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

за 1 мѣсяць безъ дост. . 100 мар.
" " съ доставкой . 115 " "
" " для иногородн. 130 " "
" " за границу . 170 " "

О В ъ я в л е н і я

за одинъ номеръ:
на 4-ой страницѣ . . . 4 марки
на 1-ой стр. и въ текстѣ 6 " "
Предложеніе труда 20% скидки.

Статьи для помѣщенія въ газетѣ просятъ присылать по адресу редакция, на имя Р. С. Ляхницкаго; онѣ должны быть четко написаны на одной сторонѣ листа за подписью автора и адресомъ. Редакция оставляетъ за собою право сокращать и измѣнять рукописи. Непринятые рукописи не возвращаются.

ДОМЪ ЧЕХОВА.

Статья И. Сургучева.

Большая трагедія русскаго журналиста заключается сейчасъ въ томъ, что всѣ дороги ведутъ въ Римъ. Вы можете писать только, или почти только, о большевикахъ. Большевики, большевики, большевики...

Въ сегодняшній весенній день, когда синій воздухъ пронизанъ золотистыми стрѣлами солнца; когда, какъ новымъ шелкомъ блестятъ на деревьяхъ молодые, только что развернувшіеся листы; когда все кругомъ радостно и шумно, и теплый вечеръ напоенъ той особой, знойной отравой, которая такъ четко и остро описана въ III актѣ „Фауста“ Гуно, — въ этотъ чудесный день мнѣ хочется, отбросивъ обычные, навязшія темы, поговорить о голубяхъ породы „біз“ и о Московскомъ Художественномъ Театрѣ.

Есть голуби особенной, прекрасной, аристократической породы. Я не знаю, какъ они называются у Брема, но простые провинціальные любители именуютъ ихъ страннымъ, короткимъ словомъ:

— Біз.

Особенность этихъ голубей заключается въ томъ, что они летаютъ не обычными, спокойными, плавными кругами, но, поднимаясь, вонзаются въ воздухъ столбомъ, особыми, рѣзкими, прямыми подъемами, каждый — высотой приблизительно въ аршинъ. Трепеща, голубь находитъ въ воздухѣ какую-то неуловимую точку опоры, и смотришь: взлетѣлъ сразу на аршинъ, опять трепещетъ и опять находитъ точку опоры — и опять вздымается на аршинъ.

Другая особенность этихъ голубей въ томъ, что они не любятъ земли, не любятъ голубиныхъ будокъ, и беспокойному голубятнику приходится прилагать особые ухищренія, чтобы сманить ихъ внизъ.

Не чайкой, а такимъ прекраснымъ, гордымъ голубемъ бізъ всегда казался мнѣ Московскій Художественный, воистину легендарный театр.

Этотъ театръ имѣлъ десять абонементовъ.

Всякій гражданинъ Москвы могъ купить билетъ въ любомъ абонементѣ, кромѣ перваго. Не всякому человѣку продавали билетъ перваго абонемента. Первый абонементъ былъ священнымъ абонементомъ: онъ рѣшалъ судьбы новыхъ постановокъ, иными словами: судьбу новаго взлета, новаго аршина туда, вверхъ, къ золотистосинему поднебесью.

Первый абонементъ продавали по выбору людямъ, о которыхъ въ искусствѣ знали, которые были отмѣчены и, такъ сказать, „зарекомендованы“. И поэтому, что за роскошь, что за блескъ былъ этотъ первый абонементъ... Разумѣется, я не говорю о блескѣ купецкаго золота и бриліантовъ, я говорю о роскоши и блескѣ аристократіи ума, таланта, подлиннаго искусства, подлиннаго творчества. Тутъ были: художники, писатели, скульпторы, артисты, московскій университетъ, „Русскія Вѣдомости“.

О, какъ жестокъ и беспощаденъ бывалъ порою, этотъ величественный первый абонементъ... Какъ рѣдко, очень рѣдко забывалъ, что апплодисменты въ театрѣ запрещены, но если забывалъ, то тогда тамъ за кулисами, съ блестящими отъ счастья глазами говорили:

— Вѣроятно, въ аулѣ татаринъ померъ: первый абонементъ заплодировалъ.

Это бывало событіемъ, о которомъ театръ взволнованно и горячо говорилъ нѣсколько дней...

Такъ когда-то леталъ гордый бѣлый голубь по прозванію:

— Біз.

* * *

Сейчасъ этотъ голубь, этотъ духъ, носившійся надъ головою Чехова, разрубленъ пополамъ. Одна часть трупы съ Вл. Ив. Немировичемъ-Данченко и съ К. С. Станиславскимъ осталась въ Москвѣ. Другая — съ В. И. Качаловымъ и О. Л. Книпперъ странствуетъ по Европѣ. Чудомъ какимъ-то, какими-то судьбами неисповѣдимыми разрубленный голубь остался живъ, дышитъ, но... вверхъ, въ поднебесье, все выше и выше, уже не можетъ летѣть... Онъ помнитъ только старыя слова, новыхъ не знаетъ. Ему недоступны новые взлеты, новыя достиженія: онъ раненъ тяжело тѣмъ мечомъ, который ранилъ всю Россію. Та часть театра, которая осталась въ Москвѣ, не можетъ творить безъ тѣхъ, кто сейчасъ ѣздитъ по Европѣ, и наоборотъ. Эти двѣ половины одного и того же живого организма должны вновь сростись, вновь спаяться, чтобы жить и творить.

И какая трагедія!

Лучшіе годы, самыя цѣнныя минуты жизни человѣческой уходятъ на то, чтобы жить далеко другъ отъ друга, маяться и не имѣть возможности снова открыть глаза и увидѣть синее небо, весеннее солнце, тихія вечернія звѣзды, горизонты, захватывающіе душу.

Примѣръ, едва ли не единственный, въ исторіи человѣческаго искусства.

То, о чемъ люди думали, какъ объ эпизодѣ, превращается въ длинную, скучную эпоху.

Какая жестокая пытка...

И мнѣ теперь понятенъ, совершенно понятенъ артистъ этого театра А. А. Стаховичъ, который, простоявъ день въ очереди за картошкой, пришелъ домой и надѣлъ на шею петлю.

Скука, невыносимая, мертвящая скука царитъ надъ нашей землей, надъ нашимъ искусствомъ, надъ нашимъ творчествомъ.

Совѣтская власть твердо держитъ въ своихъ лапахъ раненаго голубя.

Когда идетъ „Вишневый Садъ“, глава правительства звонитъ въ театръ и командуетъ:

— Отмѣнить и поставить „На Днѣ“. Я приѣду съ делегацией и, если запоздаю, спектакля не начинать.

Прекрасный, больной голубь выдрессированъ, сидитъ въ клѣткѣ и клювомъ своимъ вынимаетъ шарлатанскіе билеты счастья.

О, милый, прекрасный, такой близкій всѣмъ намъ мученикъ-голубь.

Варвары, захватившіе тебя потными лапами не понимаютъ, что тебѣ и сладокъ, и близокъ воздухъ только весенняго, пронизаннаго и напоеннаго солнцемъ Троицына дня.

* * *

Ставлю точку: опять попалъ на дорогу, ведущую въ Римъ.

И. Сургучевъ.